
Рогожникова Т.М., Салихова Э.А.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ КРЕОЛИЗОВАННОГО КОНФЛИКТОГЕННОГО ТЕКСТА: ТЕХНОЛОГИЯ ВЫЯВЛЕНИЯ И ОПИСАНИЕ

Цель: Показать отдельные результаты исследования поликодовых конфликтных текстов.

Методология: Использовался комплексный – лингвистический и психолингвистический – подход к анализу текста.

Результаты: Отмечается специфика поликодового текста, фактура которого состоит из двух разнородных частей: вербальной (языковой / речевой) и невербальной, принадлежащих к другим знаковым системам конфликтного текста. На иллюстративном материале демонстрируется многогранность и полиаспектность экспертизы текста, выявляются не только параметры поверхностной структуры и интерпретации, но и глубокого воздействия на читательскую аудиторию.

Новизна/оригинальность/ценность: Новизна и оригинальность текста определяются: а) используемым потенциалом как фундаментальной лингвистики, так и смежных отраслей знания для решения задач экспертизы поликодового текста; б) применением разработанных программных продуктов в области психолингвистических экспертиз; в) изначальной исследовательской установкой на то, что пределы компетенции отдельного ученого не означают пределов лингвистической компетенции.

Ключевые слова: лингвистическая экспертиза, психолингвистическая экспертиза, комплексный подход, креолизованный текст, суггестия.

Rogozhnikova T.M., Salikhova E.A.

LINGUISTIC AND PSYCHOLINGUISTIC FEATURES OF THE CREOLIZED CONFLICT-GENERATING TEXT: TECHNOLOGY OF ITS IDENTIFICATION AND DESCRIPTION

Purpose: To show the specific results of the polycode conflict texts research.

Methodology: Linguistic and psycholinguistic approaches to text analysis are used.

Results: The specific character of the polycode (i.e. composed of two heterogeneous parts: verbal (language/speech) and nonverbal (belonging to other systems of signs)) conflict-generating text is shown, the multifaceted and polyaspect nature of text expertise is demonstrated by illustrative material, the parameters of the surface structure and interpretation of the text are revealed as well as its profound impact on the audience.

Novelty/originality/value: Novelty and originality of this study is determined by a) the potential of fundamental linguistics as well as the related branches of knowledge used for solving the problems of the polycode text expertise; b) the usage of special software in the field of psycholinguistic expertise; c) the initial research fixation on the fact that the competence limits of a certain scientist are not the same as the limits of linguistic competence.

Keywords: linguistic expertise, psycholinguistic expertise, complex approach, creolized text, suggestion.

Авторы публикации считают целесообразным предварить краткими комментариями терминосоставляющие аннотированной части, что может оказаться небесполезным в ходе последующего изложения.

Лингвистическая и психолингвистическая экспертизы конфликтных текстов как направления юрислингвистики представляют прикладную область исследований, которые ведутся в рамках судебной лингвоэкспертной деятельности.

Лингвистическая экспертиза (ЛЭ), по определению Е.И. Галяшиной, – это процессуально регламентированное лингвистическое исследование устного и / или письменного текста, завершающееся дачей заключения по вопросам, разрешение которых требует специальных познаний в языкознании и судебном речеведении [4, 8, 9, 25]. ЛЭ в узком смысле термина предполагает лексико-семантический, прагмалингвистический, лингвостилистический, логико-грамматический

и дискурс-анализ языковых явлений, при этом эксперт-лингвист в исследовании опирается на различные лексикографические данные (академические словари, глоссарии и тезаурусы), являющиеся авторитетными источниками подтверждения мнения эксперта [28].

Психологическая экспертиза ориентирована на анализ психической деятельности лица или продуктов его психической деятельности. Особенностью этого вида экспертизы являются сложности анализа психических процессов, недоступных непосредственному наблюдению. В связи с этим эксперт-психолог исследует данные, отражающие информацию о личности автора, его мотивах и намерениях через интерпретацию материализованных источников информации о психической деятельности (документы, протоколы допросов, иные продукты психической деятельности) с последующим вынесением экспертного суждения [12].

Психолого-лингвистическая экспертиза, которую называют комплексной, включает в себя мнения нескольких экспертов: лингвиста и психолога. Данный вид экспертизы призван оценить степень корреляции языковых явлений (устного или письменного текста, видео-, аудиозаписи) с возможным психическим и психофизиологическим состоянием человека, тем самым повысить объективность решения юридически значимой проблемы [28].

Психолингвистическая экспертиза (ПЛЭ) – относительно новый вид исследования, который опирается на психолингвистическую научную парадигму. Психолингвистика – это экспериментальная лингвистика, изучающая продукты речевой деятельности человека с опорой на материалы многочисленных экспериментов. Возможность формализации данных психолингвистических экспериментов в виде компьютерных программ позволяет существенно увеличить потенциал использования этой научной парадигмы в судебной лингвоэкспертной деятельности. Этот аспект, связанный с созданием визуализированного результата обработанных данных, опирающийся на количественные показатели, на статистику, на сравнение сопряженных баз данных, существенно обогащает экспертизу, устраняя субъективную интерпретацию речевого продукта. Это главное отличие ПЛЭ. По своей точности и сложности данное научное направление может соперничать с математикой и физикой [9, 16, 30]. Одной из функций речи человека, как и любого другого продукта (письменного или устного текста), является функция воздействия. В рамках психолингвистики разработаны методики и выявлены единицы анализа, с помощью которых возможно давать объективную оценку материала: измерять в количественных показателях силу воздействия текста [20], устанавливать качество этого воздействия [21], декодировать суггестивный (воздействующий) потенциал языкового явления [18, 29], ранжировать эмоционально-оценочные признаки, оценивать мотивы и намерения автора текста, рассчитывать «золотое сечение» текста как зоны бесконтрольного влияния на сознание. Речь идет о совершенно особых единицах анализа для изучения латентных (скрытых) суггестивных ресурсов текста, поскольку отсутствие языковых манифестаций глубинных внутренних форм не поддается анализу с помощью традиционных лингвистических и психологических методов. Имеется несколько компьютерных программ, с помощью которых возможно работать на пяти языках (русском, английском, немецком, татар-

ском и башкирском): 1) Программа для ЭВМ БАРИН (Автоматизированный анализ слова и текста), Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2011618299, М., 2011; 2) Программа для ЭВМ БАТЫР (Автоматизированный анализ слова и текста), Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2014613238, М., 2013; 3) Программа для ЭВМ СЧЕТОВОД (Автоматизированный анализ текстов), Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2014618598, М., 2014; 4) Программа для ЭВМ ПУЛЬС 2015 для обработки ритма прозаического текста, Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2015614549, М., 2015; 5) Программа для ЭВМ БЮРГЕР (Автоматизированный анализ слова и текста), Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2016616320, М., 2016.

Выстраивая алгоритм подхода к измерению «силы слова», мы прежде всего попытались выделить единицы анализа для уровней, которые позволяют произвести замер, сопоставить показатели или сравнить признаки языковых моделей. Были установлены восемь аналитических единиц, которые пригодны служить рабочими инструментами в ходе исследования. Среди них ритмическая активность мозга [16], потенциал звукоцвета [15], модальности восприятия [19], эмоционально-оценочные признаки [17], ритмическая организация и ритмические коды вербальных моделей [20, 21, 31] и другие.

Практика проведения судебных экспертиз показала, что наиболее эффективной по убедительности выводов формой является комплексная экспертиза, включающая в себя лингвистическую и психолингвистическую компоненты.

Защита чести, достоинства и деловой репутации как противодействие клевете и оскорблению на практике между собой взаимосвязаны и редко когда встречаются по отдельности. Уникальность данных видов правонарушений и в том, что нематериальные права, против которых направлены данные деяния, регулируются уголовным (ст. 128.1 УПК РФ), гражданским (ст. 152 ГК РФ) и административным (ст. 5.61 КоАП РФ) законодательством практически одновременно. Оскорбление – один из центральных концептов современной юрислингвистики [2, с. 56–62]. В практике ЛЭ и ПЛЭ при установлении признаков защиты чести, достоинства и деловой репутации при анализе спорных речевых произведений принято отвечать на следующие вопросы [2, с. 58; 6, с. 36; 25]:

1. Содержится ли в статье (высказывании) «...» негативная информация об X-е? В каких конкретно высказываниях содержится негативная информация?

2. Выражена ли оценка в неприличной форме, противоречащей правилам поведения, принятым в обществе?

3. Носят ли высказывания, относящиеся к X-у, оскорбительный характер?

4. Имеется ли в тексте статьи (высказываниях) «...» скрытая информация, которая способствует формированию у читателя негативного отношения к ... сообществу в целом и к X-у в частности?

5. Имеется ли в отдельных предложениях или отрывках текста статьи (высказываниях) «...» информация, суггестивный (воздействующий) потенциал которой ориентирован на создание и закрепление в сознании читателя негативного образа X-а как руководителя?

6. Содержатся ли в тексте статьи (высказываниях) «...» данные о личных намерениях ее автора, его скрытых мотивах, которые побуждают создавать тексты с негативным потенциалом воздействия?

Таким образом, центральными вопросами при исследовании продуктов речевой деятельности на предмет наличия / отсутствия признаков оскорбления как унижения чести, достоинства и деловой репутации являются: вопрос о форме передачи информации (приличная / неприличная), о содержании передаваемого и его воздействии, а также вопрос о адресованности информации конкретному лицу. На экспертизы предоставляются печатные и устные тексты, а также фразы, слова, словосочетания, установленные в ходе судебного разбирательства [2].

Отметим, что по делам об оскорблении при определении содержания ЛЭ и ПЛЭ на протяжении ее существования «конкурируют» два подхода к установлению пределов компетенции специалистов. Первый связан с признанием того, что вопрос о наличии / отсутствии оскорбления не входит в компетенцию лингвиста, но является сугубо юридическим вопросом, второй «отстаивает» точку зрения, согласно которой данный вопрос принадлежит компетенции лингвиста [1, с. 15; 6, с. 12–13]. В последнем случае мы употребили слово «отстаивает» в кавычках, так как этот подход нигде явно теоретически не сформулирован, но вытекает из экспертных заключений, проводимых в рамках этой категории дел [1, с. 16].

Задача ЛЭ и ПЛЭ заключается не в том, что они помогают определять термин «оскорбление» в праве (в его различных отраслях), а в том, что-

бы дать описание событию, которое содержит признаки правонарушения, что, конечно, не исключает того, что этот термин получает свою интерпретацию. Юрист оценивает произошедшую ситуацию юридически. Другими словами, он вынужден решать следующий вопрос: «Достаточно ли тех признаков, которые были выявлены экспертами и называются словом «оскорбление», для квалификации данной ситуации как преступного деяния, которое в юриспруденции называется словом «оскорбление?». Конечно, можно пользоваться эвфемизмами, говорить / писать не «оскорбление», а «оскорбительно» или «инвективный речевой акт», но это уже сугубо технический момент, который связан с облегчением взаимопонимания между специалистами и, например, судом [9].

При рассмотрении феномена оскорбления как унижения чести, достоинства и деловой репутации в юрислингвистике выделяются два подхода: текстоцентрический и лексикоцентрический [2]. Признается, что эти два подхода представляют собой два различных аспекта в описании одного и того же предмета (ср. «Категория инвективности – сложнейшая лингвистическая проблема. Лексический ее выход – наиболее поверхностный. Текстовое (и тем более рече-ситуативное) разворачивание инвективного фрейма – задача более сложная, так как здесь сопрягается множество факторов, некоторые из которых относятся к имплицитным сферам речи» [6]). Текстовый подход (отметим, что слово «текстовый» в данном случае употребляется нетерминологически, но только для того, чтобы показать его противопоставленность подходу, в котором базовой единицей анализа является слово) представлен вариантами стилистического (Т.В. Чернышова) и деятельностно-прагматического (Н.Д. Голев, О.С. Иссерс, С.В. Сыпченко) анализа. Лексикоцентрический подход в настоящее время, по нашему мнению, не представляет собой сколько-нибудь цельного направления, но продолжает разрабатываться отдельными лингвистическими школами.

Общими для всех типов работ являются следующие исследовательские установки: 1) отождествление средств деятельности с самой этой деятельностью (процессом или взаимодействием): инвективные средства (лексические, синтаксические, стилистические) отождествляются с наличием / отсутствием инвективного речевого акта, т. е. с возможностью / невозможностью нанести психологический ущерб инвектуму [1]; 2) возможность отсутствия оскорбления при наличии инвективных средств языка [1, 28]. Отмечается,

что отсутствие разработок описания противочлена отождествляет негативную оценку, возможную обиду и факт оскорбления. Основопологающим здесь является понятие «стратегия дискредитации», под которое подводимо все что угодно (так как у нее нет противочлена) – от матерной брани до выражения «вы плохой человек», произнесенного в присутствии третьего лица, а при определенном взгляде на вещи произнесенного и в беседе двух коммуникантов [1, с. 17–18]).

Таким образом, цель ЛЭ и ПЛЭ – обосновать, что какое-то высказывание может быть обидным для предполагаемого инвектума, а точнее сказать, оправдать обиду инвектума (например, истца или участника судебного процесса). В этом смысле в практике ЛЭ и ПЛЭ исследуются не речевые взаимодействия, а способы построения инвективных – в широком смысле – речевых произведений (фактически – внутренняя их форма) и способность этих произведений порождать психологическое состояние обиды. Наиболее ясно следствия, которые вытекают из логики «от обиды», определил Н.Д. Голев: «...вряд ли эксперт должен абсолютизировать пуристические требования, закрепленные, скажем, в словарных пометах. Он в равной мере должен защищать как нормативную чистоту текста, так и право журналиста на свободное использование языка, иначе публицистические тексты превратятся в дистиллированные отчеты о событиях» [7, с. 23]. Кроме того, перлокутивный эффект иллюкутивного акта «дискредитация» оценивается по факту дискредитации лица.

В рамках представленного вниманию материала мы предлагаем один из способов осмысления комплексной (ЛЭ и ПЛЭ) экспертизы в русле разрабатываемой на основе достижений лингвоэкспертных направлений современной отечественной прикладной лингвистики и психолингвистики. Материалом статьи является публицистический дискурс, отображенный в Интернет-издании – на одном из востребованных читателем Республики Башкортостан (РБ) информационно-аналитических порталов, который по большей части содержит оригинальные материалы, созданные профессиональной редакцией с целью информировать читателя, побудить его к размышлениям. В качестве иллюстраций приводятся фрагменты комплексной экспертизы с участием авторов статьи (с сохранением условий конфиденциальности).

Решение вопросов «смыслового понимания» находится в сфере герменевтического и психолингвистического изучения текстов посредством интроспективных методов [6, 22, 25], субъекти-

визм которых вызывал и вызывает до сих пор сомнения в юридической среде [24, с. 71; 25, с. 60–61]. ЛЭ и ПЛЭ опираются на совокупность приемов анализа: соответствующий методический инструментарий и терминологические подсистемы. Так, помимо традиционных в практике ЛЭ логико-грамматического, лингвостилистического, текстологического, лексико-семантического, семантико-синтаксического, прагмалингвистического методов анализа в ПЛЭ привлекаются статистические методы с прослеживанием иерархии частотности вербальных конструкций и звукобуквенных комплексов, с подсчетом количества одинаковых моделей, с сравнением частотности отдельных звуков и с сопоставлением нормативных показателей частотности употребления определенных звуков; анализ суггестивного потенциала вербальной модели, эмоционально-лексическая оценка вербальных и невербальных моделей, оценка ритмической активности мозга при восприятии всего текста, оценка ритмической когерентности при восприятии отдельных частей текста и сравнительный анализ результатов; два подхода к оценке ассоциативной (психологической) цветности текста и его отдельных отрывков; расчеты «золотого сечения» текста; характеристика ритмической организации речевого продукта; техники распознавания скрытых мотивов поведения объекта; анализ отдельных коэффициентов суггестивного воздействия текста на индивидуальное и массовое сознание и подсознание; оценка силы воздействия текста на читателя и прогноз длительности воздействия на сознание суггестивных ресурсов данного полимодального текста и пр. К тому же ЛЭ и ПЛЭ имеют и лингвосемиотическую оснащенность [26], поскольку ее объектами чаще становятся поликодовые тексты.

Человек, читающий или воспринимающий видео- или аудиоинформацию, обязан обращать внимание на указанные автором письменного или видео- / аудиотекста наряду с буквенными иными графические (знаковые, семиотические) средства и интерпретировать их в заданном интенциональном направлении [25]. Следуя семиотической традиции, креолизованным текстом представляется, в частности, анализируемый нами объект исследования – текст, в котором журналист, пытаясь разобраться в ситуации, сложившейся вокруг одной большой организации в РБ и представленной в СМИ истории с продажей удостоверений, обращается к обсуждению темы в интервью с У-ом – «известным адвокатом, которого в конце прошлого года лишили статуса адвоката» (цитата из источника). Исследуемая дискурс-среда харак-

теризуется как «осмысленная последовательность знаков разного рода, обладающая всеми необходимыми признаками»: синтетический операторный способ (ориентация на зрительное восприятие – текстовые и графические материалы, сопровождающие текст карикатуры и пр.), особая сфера функционирования (оценивается при восприятии как общественно значимая деятельность), синтетический тип функционирования (пространственная и временная протяженность, изобразительность, непрерывность, виртуальная расположенность на плоскости и в пространстве) [25, с. 59, 61; 26, с. 219–220].

В данном типе коммуникации созданы все условия для доведения информации (её распространения) до неопределённого числа лиц, разделяющих определенные этические и моральные взгляды. Практически любая реакция читательской аудитории может интерпретироваться по-разному в зависимости от того, является ли она естественным проявлением индивидуального восприятия и возможна для данного читателя – посетителя сайта в данной ситуации, или же эта реакция вызвана иными, внелингвистическими причинами, в том числе желанием скрыть истинное отношение к обсуждаемому вопросу [25]. Показательными в этом отношении являются и данные по объекту нашего исследования: с 24 апреля (дня опубликования интервью с бывшим сотрудником организации У-ом) по 19 октября 2018 года из 1429 просмотров материала посетителями «Journalufa.com» четыре читателя дали 43 комментария, прямо или косвенно показывающих негативное отношение к персонажам публикации, а именно к Х-у, и восхваляющих и поддерживающих У.

Воздействие на читателя оказывает не только текстовое представление информации, но и её иллюстративное сопровождение – рисунки, шрифт, цвет и прочие дизайнерские стилистические приемы. В семиотическом аспекте вставка в текст рассматриваемой публикации карикатуры известного уфимского художника, изображающей Х-а в виде дракона с ножом в правой лапе и с надкусанной колбасой – в левой, также выполняет функцию воздействия на массовое читательское сознание. Дракон как архетип в стереотипном сознании среднестатистического читателя – носителя русского языка – олицетворяет не просто единение атрибутов одного хищного зверя и одной птицы, как это имеет место, например, у грифона или у василиска (змея и птица), т. е. начало отрицательное, сугубо отрицательное, абсолютную противоположность добру, но и отрицательный

кровожадный образ зла, противопоставленный силам добра. Наряду с выявленными в процессе анализа стилистическими языковыми приемами, этот образ призван дать негативную характеристику главному персонажу публикации – объекту критики Х-у, наделенному высокими должностными полномочиями.

Информация в форме утверждений о фактах совершения Х-ом действий и поступков на руководящей должности, осуждаемых обществом как противоправные и аморальные, направлена на унижение достоинства гражданина Х-а, но не имеет неприличной (нецензурной) формы, хотя содержательно может опорочить честь, достоинство и деловую репутацию конкретного лица. Как уточняет Е.С. Кара-Мурза [9, с. 62], «с лингвоправовой точки зрения, порочащие сведения, во-первых, – это информация именно о правонарушениях или проступках (истца), а не любая негативная фактологическая информация о нем. Во-вторых, она касается непосредственно (истца). В-третьих, она должна быть выражена в форме утверждения».

Исходя из рассмотренных особенностей информационно-публицистического стиля, мы анализируем высказывания с учетом того, что: «1) ... это цельные речевые произведения, поэтому 2) составляющие его языковые средства всех уровней, приемы, способы их использования, организации внутри данного речевого произведения взаимосвязаны и соотнесены друг с другом, а речевая структура в целом, а также отдельные ее компоненты тесно увязаны с композицией текста; ...3) каждая языковая деталь текста воспринимается (и оценивается) в контексте целого текста (макротекста, т. е. всех записей), а также в рамках микроконтекста (непосредственно фразового окружения слова, словосочетания, конкретного предложения) и макроконтекста (ситуации порождения текста)» [25, с. 59–60].

Исследование подобных текстов проводится и в рамках лингвопрагматики, при которой учитываются все стороны коммуникации: а) субъект речи (адресант); б) адресат; в) ситуация общения; г) взаимодействие; д) коммуникативные установки и цели адресанта; е) стратегии, речевые тактики, используемые говорящим; ж) речевые жанры, используемые коммуникантами.

Ответ на традиционный первый вопрос предполагает выявление в тексте / высказываниях негативной информации о субъекте описания. Последняя представляет сведения, которые содержат отрицательные характеристики юридического или физического лица или его деятельно-

сти, а также поступков физического лица, с точки зрения здравого смысла, морали или с правовой точки зрения (в той мере, в которой об этом может судить любой дееспособный гражданин, не имея специальных познаний в области юриспруденции) [12, с. 200; 27]. Например, в отдельных фразах текста она репрезентирована следующим образом. Те или иные выраженные в языковой форме сведения квалифицируются как негативные, если в семантике анализируемых единиц установлено наличие неодобрительного компонента значения, либо неодобрительная оценка выражена в анализируемом высказывании контекстуально, реализована контекстуальными средствами. Ниже, в перечисляемых выражениях в скобках / через пояснение дается квалификация ключевых компонентов предложения – языковых средств с отрицательной семантикой [27, с. 27]:

1) в анализируемом материале имеется негативная информация о деятельности организации в целом и о деятельности занимающего высокую должность в организации X-а, в частности:

а) «...общественность считает произошедшее следствием моих публикаций о вопиющих финансовых злоупотреблениях руководства <организации> и о производе этого руководства в отношении адвокатов» (причастие «вопиющий» – «вызывающий крайнее возмущение, (негодование) совершенно недопустимый» [11, с. 79; 3, с. 149] усиливает значение существительного «злоупотребления» – «2. Проступок, состоящий в незаконном, преступном использовании своих прав и возможностей (своей власти, полномочий)» [11, с. 189; 3, с. 366]; «произвол» – «своеволие, самовластие, (деспотизм)» [11, с. 497; 3, с. 1010]); б) «за многолетнее процветание коррупции в руководстве <подобных организаций> по всей России это первый случай задержания функционера правоохранительными органами. Также непонятно, по какой причине считалось, что X и его свита всемогущественны, и добраться до них не получится»: «процветание коррупции» – это терминосочетание, по мнению известного лингвиста Н.Ю. Шведовой, обозначающее обычно «использование должностным лицом своих властных полномочий и доверенных ему прав в целях личного дохода, личной выгоды, противоречащих законодательству и моральным установкам», «подкуп взятками, продажность должностных лиц и политиков» [11, с. 511, 241; 3, с. 1037, 460]. В данном высказывании использована логическая уловка «ложное основание», суть которой заключается в том, что бóльшая посылка дедуктивного умозаключения (за многолетнее процветание корруп-

ции в руководстве <подобных организаций> по всей России) – правдоподобное суждение, верное для некоторых отдельных случаев. Интервьюируемый Y преподносит его как аксиому, то есть утверждение, истинное в конкретной ситуации, предъявлено как истина при всех условиях («То, что справедливо в данной ситуации, не означает, что это верно вообще»). Данный манипулятивный прием, при котором один факт или понятие подменяются другими, схожими по смыслу, но уводящими в сторону фактами или понятиями, активно используется в публицистической риторике. По мнению С.Г. Кара-Мурзы, подменить можно не только понятие или факт, но и отдельно взятую реальность. Этот прием можно считать «классикой манипуляции». Манипулятор обсуждает какой-либо вопрос, доказывая свою информационную установку. В обсуждении вместо «неудобного» для него факта (примера или понятия) он вставляет «удобный» – схожий по смыслу, но уводящий обсуждение в нужную ему сторону. Вновь использованное понятие должно быть очень похожим на только что подмененное – настолько, чтобы журналист, а вслед за ним и читатель, не заметили подмены. В логико-грамматическом аспекте сочинительный союз «также» в контекстуальном значении «тоже» в данном фрагменте текста является соединительным элементом в суждении от общего (первое предложение) к частному (второе предложение). Иными словами, значение второго предложения сводится к тому, что «представление о неограниченной силе и могуществе X-а и его близкого окружения неверно» [11, с. 574, 85], и что «появилась возможность расправиться с кем-либо (по контексту: с X-ом и его окружением – прим. специалиста) [3, с. 264]; в) «необходимо создавать межрегиональную следственно-оперативную группу, потому что никаких следователей в республике не хватит, чтобы тщательно расследовать все злоупотребления этой группировки» («злоупотребления» – «2. Проступок, состоящий в незаконном, преступном использовании своих прав и возможностей (своей власти, полномочий)» [11, с. 189; 3, с. 366]; «группировка» в контексте негативной характеристики главных персонажей – руководства организации в лице её руководящего лица – трактуется по аналогии с ОПГ как вербальная (лексическая) часть идиоматического выражения и обозначает «устойчивую группу лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких преступлений. Организованная преступная группа выступает в качестве одной из форм соучастия. Группа создаётся до совершения этих преступлений путём

предварительного сговора её участников, который может предполагать как направленность на совершение конкретных деяний, так и ориентацию на общее направление преступной деятельности» [3, с. 232]; г) «...мне стыдно...за то, что мы все допустили к власти столь недалеких и алчных людей. Причем трата общественных денег – это еще не все. Многомиллионные суммы перечисляет государство <организации> за бесплатное участие адвокатов в уголовных процессах. Там тоже есть, где покопаться: система устроена так, что часть этих денег оседает в нужных карманах» («недалекий» – «разг. не очень умный, ограниченный (об умственно ограниченном, отсталом человеке)» [3, с. 617] и «алчный» – «крайне жадный к наживе, богатству, корыстный» [3, с. 36]; «оседает» – «2. Опуститься слоём» [11, с. 371], в «нужных карманах» – «перен. употр. как символ материального благосостояния, богатства кого-либо (разг.; по контексту, вероятнее всего, речь вновь идет о руководстве организации, поскольку этому предложению предшествует отрицательная характеристика именно представителей руководства). Сравним: не по карману (не по средствам), бить по карману (причинять убыток), набить карман (разбогатеть), толстый, полный карман (о богатом), тощий карман (о бедняке)») и др.

2) о личных деловых и моральных качествах X-а: д) «...с помощью нехитрых манипуляций и пассивности адвокатов выборы превращены в профанацию. X с помощью извращения закона практически узурпировал власть» («манипуляция» – «ловкая проделка, махинация; способ, приём действия, служащие для достижения каких-либо целей путем представления кого / чего-либо в искаженном виде» [3, с. 519]; «профанация» – «искажение, опошление чего-либо невежественным, оскорбительным обращением» [3, с. 1035]; «извращение» (закона) – «ложное истолкование, искажение; противоестественное поведение» [11, с. 196]; «узурпировал власть» – «захват власти насильственным путём, совершённый с нарушением закона либо незаконное присвоение властных полномочий. Совершается одним лицом или группой лиц; к узурпации относят также выборы, проведённые с грубыми нарушениями и фальсификация их результатов. Частным случаем узурпации является злоупотребление властными полномочиями»); е) «Конечно, X не предполагал, что все так развернется. Но, учитывая, что Верховный суд своим решением поддержал лишение меня статуса... это, кстати, ярчайшее доказательство зависимости <организации> от судебной власти» («развернется» – «проявиться в полной мере, об-

наружиться; принять широкий размах, получить полное развитие» [3, с. 1062]).

Смысловая направленность высказываний – текста интервью Y-а – изложение отрицательной информации о деятельности организации (см. пункты а, б, в), в том числе её руководстве (см. пункты г, д, е), отрицательной оценки его личности, а также выражение критического с элементами иронии отношения к излагаемым событиям и фактам.

Итак, в тексте статьи анализируемого интернет-издания содержатся негативные сведения о X-е в языковой форме утверждений о событиях и фактах его деятельности на руководящей должности организации, отрицательной оценки его личности, а также о его личных деловых и моральных качествах. Смысловая направленность высказываний – изложение отрицательной информации о деятельности организации, её руководстве в лице X-а, а также выражение критического отношения к излагаемым событиям и фактам.

Контекстуальный анализ материала статьи показывает отнесенность негативных сведений к конкретным лицам – X-у и его окружению: в частности, к Z-у (правой руке X-а) на основании способов номинации лиц (имена собственные, указание должностей, эвфемизмов X «и его свита», «эта верхушка», синтаксических средств связи (союзы «также / тоже», «поэтому» и подобные)) и наименования организации.

Рассмотрим фрагмент исследования на второй вопрос ПЛЭ: «Имеется ли в отдельных предложениях или отрывках текста статьи интернет-издания «...» информация, суггестивный (воздействующий) потенциал которой ориентирован на создание и закрепление в сознании читателя негативного образа гр. X как руководителя организации?». Обратимся к конкретным фрагментам статьи. Отрывок текста № 1: «Огромная статья расходов – аренда помещения у тещи при явной подозрительности сделки, миллионные выплаты различных необоснованных премий, даже тем, кто официально не трудоустроен <в организации>, растраты под видом представительских, командировочных расходов и т. д. Все очень примитивно и топорно. Нормальная следственная ре-визия все установит. Вообще, мне стыдно за <...> сообщество», – несомненно, способствует формированию у читателя негативного отношения к руководителю организации гр. X. Фразы оказывают на читателя жесткое комплексное негативное воздействие, сопровождающееся инкогерентностью мозговых волн и дезорганизацией основных ритмов (см. Диаграмму 1). В данном случае качество

воздействия речевого продукта определялось через установление доминирующего ритма в паттерне мозговой активности. Ритмы мозга (brain waves) как спонтанная нейронная активность, имеющая отчасти электрическую природу, могут выступать эффективным инструментом, который позволяет делать выводы о возникновении определенного эмоционального состояния [16]. Эти диагностируемые спонтанные колебания мозга можно записать с помощью электроэнцефалографа. Электроэнцефалограмма позволяет оценить паттерны мозговых волн в состоянии бодрствования и сна. В разных психологических состояниях меняется набор основных ритмов и их соотношение (бета, альфа, тета, дельта, гамма-ритмы). Волновая природа сознания проявляется через мыслительную активность, результатом которой во внешних проявлениях являются продукты речевой деятельности (письменные тексты, устная речь), а также продукты эмоциональной деятельности (перепады чувств, настроений, желаний) [16, 18].

Alpha (0,284) Жесткое комплексное воздействие

Beta (0,282) Жесткое комплексное воздействие

Delta (0,285) Жесткое комплексное воздействие

Theta (0,286) Жесткое комплексное воздействие

Диаграмма 1. Паттерн ритмической активности мозга при восприятии отрывка текста № 1

С помощью новой версии компьютерной программы ДИАТОН (версия СЛОВОДЕЛ) возможен анализ 11 основных состояний ритмов мозга и связанных с ним эмоций [14]. Для удобства описания результатов анализа каждому типу мозговых волн приписываются знаки «+» (плюс) или «-» (минус) в зависимости от избыточности или недостаточности проявлений того или иного ритма, фиксируется нейтральная позиция, позиция полной синхронизации потенциалов со знаком «+» (когерентность волн) и позиция жесткого негативного воздействия со знаком «-» (инкогерентность волн) [16, с. 50–51]. Преобладание определенного ритма, выявленное при работе со стимулом, означает, что восприятие данного стимула способствует возникновению того или иного эмоционального состояния, связанного с данным явно выраженным ритмом. Таким образом, анализируя текст сквозь призму возникающих при

его восприятии мозговых волн, мы можем судить о качестве воздействия на человека. Такой текст будет оказывать значительное отрицательное воздействие на репутацию гр. Х, создавая и закрепляя в сознании читателя негативный образ руководителя [16, с. 51].

Сказанное подтверждается совокупностью характеризующих данный отрывок признаков: «Устрашающий» (11.18); «Тяжелый» (8.32); «Зловещий» (7.4); «Тёмный» (7.12); «Угрюмый» (6.89); «Суровый» (5.53). Текст ориентирован на активизацию у читателя отрицательных эмоций, связанных с латентным воздействием на них данных признаков, которые устрашают, вызывают тяжелое состояние, плохое настроение из-за прочитанной информации.

Отрывок текста № 2: «За многолетнее процветание коррупции в руководстве <организации> по всей России это первый случай задержания функционера правоохранительными органами. Также непонятно, по какой причине считалось, что Х и его свита всемогущественны и добраться до них не получится» оказывает отрицательное воздействие не только на личную репутацию гр. Х, но и на репутацию правоохранительных органов. Этот фрагмент статьи (см. Диаграмму 2) представляет собой Дельта-минус текст, вызывающий отрицательные эмоции, связанные с бессилием человека перед обстоятельствами, потерей воли, с состоянием безвольного подчинения, с которым человек вынужденно мирится [21]. Если перед автором стоит цель убедить людей, что необходимо коренным образом менять их жизнь, то следует писать тексты именно с такой ритмикой, которая будет отключать критическое осмысление информации. Подобный текст оказывает безусловное отрицательное влияние на репутацию гр. Х.

Alpha (0,145)

Beta (0,147)

Delta (0,148) Безвольное подчинение

Theta (0,144)

Диаграмма 2. Паттерн ритмической активности мозга при восприятии отрывка текста № 2

Психолингвистический анализ материала показывает направленность негативных сведений, обладающих значительными суггестивными ресурсами, к конкретному лицу из руководства ор-

ганизации – гр. X, а также к профессиональному сообществу на основании выявленных паттернов ритмической активности мозга и на основании эксплицированных характеризующих авторский текст признаков, что дополняет и подтверждает данный вывод [21].

Отвечая на вопрос о наличии / отсутствии в тексте статьи психолингвистических данных о личных намерениях интервьюируемого Y, его скрытых мотивах, которые побуждают создавать тексты с негативным потенциалом воздействия, обратимся к одному выявленному параметру, привлекающему внимание. ПЛЭ выявила данные о личных намерениях его автора (интервьюируемого Y) и его скрытых мотивах, которые могут побуждать к созданию текстов с отрицательным суггестивным потенциалом [20].

На Диаграммах 3 и 4, подготовленных с помощью экспертной системы ВААЛ [30], представлены показатели нагрузки на различные категории. Напомним, что под категорией в контексте данного исследования понимается словарь или тезаурус лексических единиц с определенным смыслом. За основу берется частотность употребления слов категории как целого, и учитывается показатель «нормальной» частоты употребления слов носителями данного языка [20; 21]. Существуют эмпирически определенные нормы употребления, причем не только различных слов, но и звукобукв. Так, редкие звукобуквы характеризуются информационной избыточностью, что также служит тонким инструментом для глубинного анализа текста. Зная «нормальную» частоту употребления слов данной категории в русском языке, возможно подсчитать, реже или чаще нормативных показателей употребляются слова этой категории конкретным человеком в конкретном тексте. Категория может представлять собой слова, характеризующие определенный тип личности. Сравнивая с нормой частоту употребления слов этой категории конкретным человеком, мы можем судить о его принадлеж-

ности к определенному психологическому типу. Под профилем категории понимается наглядная (в виде диаграммы) информация о том, как слова различных категорий распределены в тексте [18, 19, 31].

На диаграммах первая колонка называет категорию. Вторая указывает на процент слов данной категории от общего объема текста. Третья – на количество слов данной категории, встретившихся в анализируемом тексте. Четвертая представляет собой гистограмму визуального представления количественных характеристик распределения. Пятая колонка содержит оценку отклонения количества встретившихся слов данной категории от среднезыковой нормы. Это традиционная оценка, используемая в контент-анализе, известная как z-score. Рассчитать ее возможно по формуле: $(N-E) / (\text{стандартное отклонение})$, где N – количество слов данной категории, встретившихся в анализируемом тексте, а E – ожидаемое число вхождений слов данной категории в текст. Шестая колонка – визуальное представление оценки отклонения количества встретившихся слов данной категории от среднезыковой нормы. Красным цветом выделено значительное превышение нормы, синим – значительное отклонение в меньшую сторону, серым – несущественное отклонение от нормы либо в сторону её превышения, либо в меньшую сторону. Так, анализ категории «Психоаналитическая символика» с помощью специального модуля экспертной системы ВААЛ [30] не выявил данных о скрытой агрессивности автора (см. Диаграмму 3).

Анализ категории «Мотивы» (см. Диаграмму 4) показал высокие коэффициенты таких мотивов, как «Власть» (11.7 – красная зона), «Желание власти» (12.5 – красная зона), «Достижение» (4.1 – красная зона), «Достижение успеха» (3.7 – красная зона). Показательно, что практически отсутствуют мотивы «Страх власти» (0.7 – серая зона), нет «Надежды на поддержку» (1.2 – серая зона), нет «Аффилиации» (1.0 – серая зона). По

ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКАЯ СИМВОЛИКА

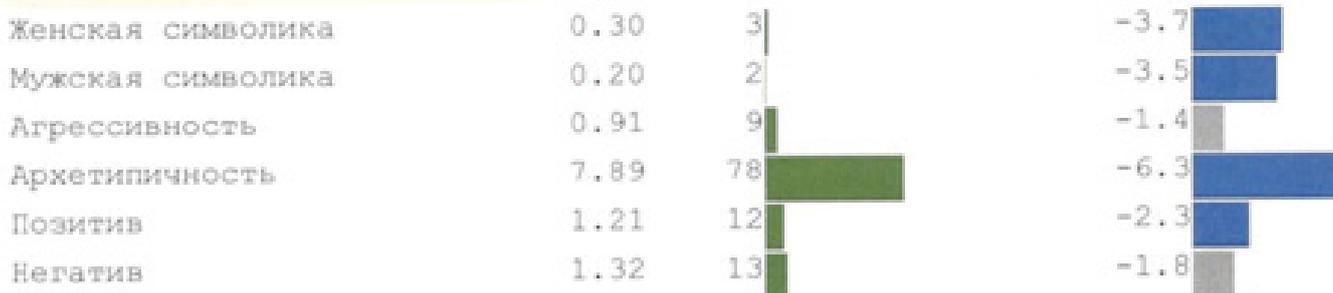

Диаграмма 3. Нагрузка на категории (категориально-статистические оценки текста)

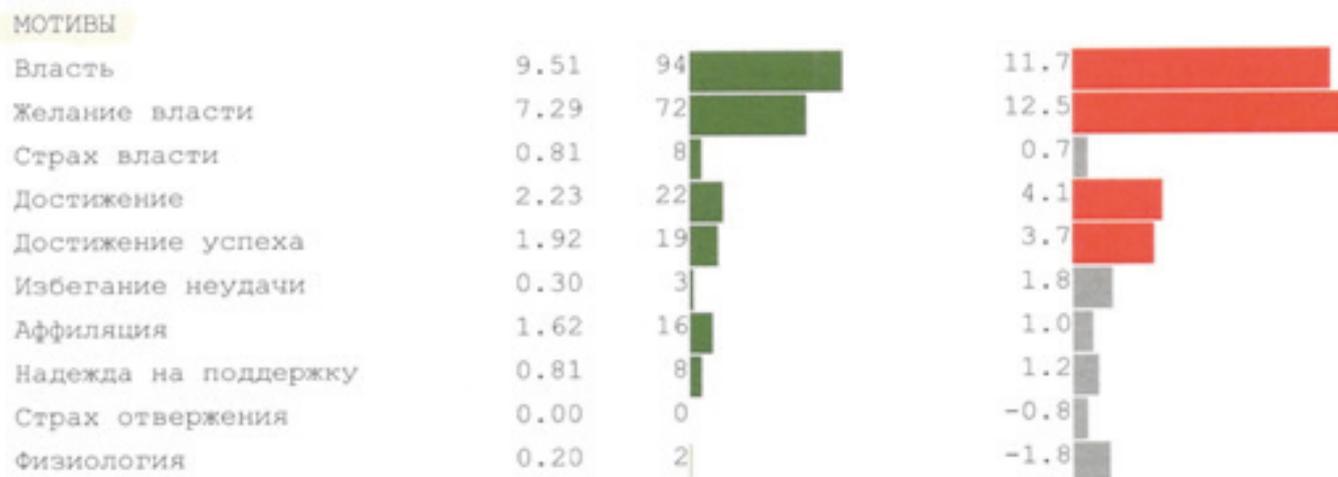

Диаграмма 4. Нагрузка на категории (категориально-статистические оценки текста)

данному тексту основным выявленным в ходе анализа является мотив «Желание власти».

Лексические единицы различных категорий распределяются в тексте неравномерно. Зная распределение слов, мы можем получить информацию о том, какова их концентрация в различных частях текста (см. Диаграмму 5). Текст разбивается на множество равных по длине отрезков. Для каждого из них подсчитывается, сколько раз в нем встретились единицы той или иной категории. На Диаграмме 5 видно, что обсуждаемый мотив выявляется практически во всех частях данной вербальной модели (пиковый показатель – 5.0).

Таким образом, основываясь на результатах анализа текста, мы считаем, что одним из мотивов, побуждающих автора к созданию текста с отрицательным потенциалом воздействия, яв-

ляется мотив «Желание власти». Данный вывод подтверждается дополнительным исследованием, целью которого явилась перепроверка наших результатов о скрытой мотивации автора текста другим способом, а именно через анализ эмоционального фона текста. Для перепроверки был использован специальный модуль экспертной системы ВААЛ.

На Диаграмме 6 показаны эмоционально-лексические оценки, ранжированные по 15 факторам. При подготовке модулей подобного рода каждое слово оценивается испытуемыми по всем пятнадцати шкалам, а эмоциональный профиль деятельности рассчитывается по результатам психолингвистических экспериментов. Эмоционально-лексические оценки вычисляются через подсчет средних величин по каждой шкале. Если оценка положительная, то гистограмма окраши-

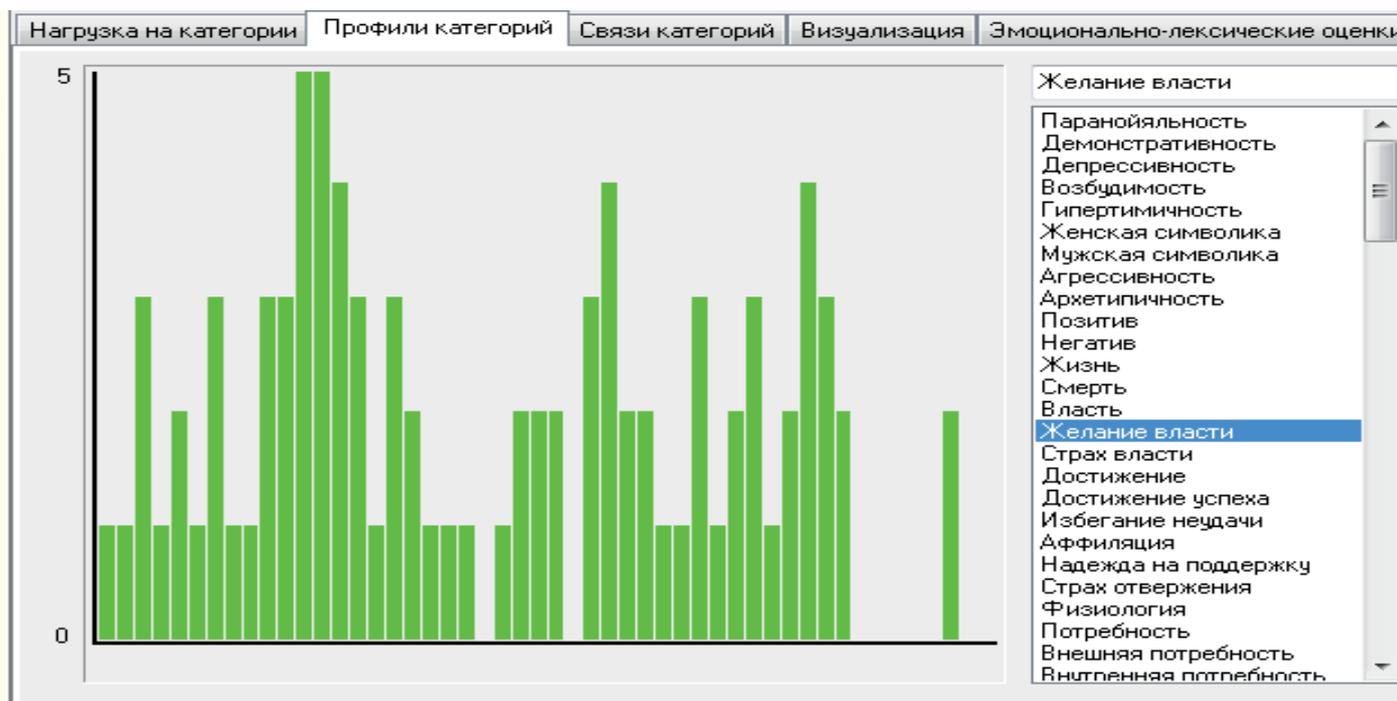
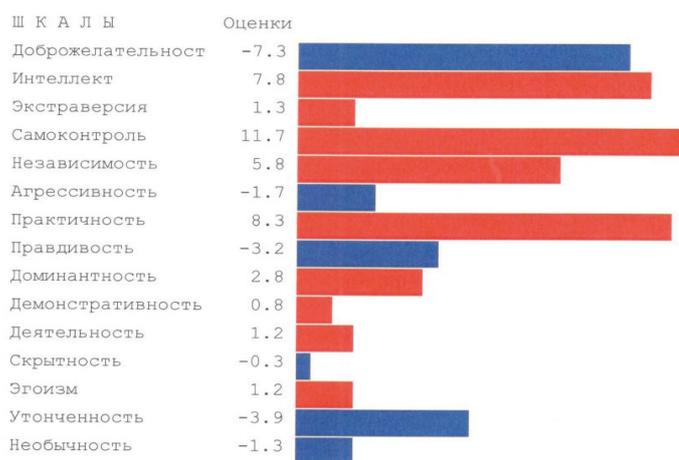

Диаграмма 5. Профиль категории (Мотив «Желание власти»)

вается в красный цвет, если отрицательная – в синий. Внизу приведена информация по общему количеству эмоционально-оценочных слов в тексте (70); по проценту эмоционально-оценочных слов от всех слов анализируемого текста (процент от текста: 7.1); «нормальный» процент эмоционально-оценочных слов в русском языке (норма – 6.8).

Анализируемый текст недоброжелателен (шкала «Доброжелательность» – минус 7.3, синяя зона) и неправдив (шкала «Правдивость» – минус 3.2, синяя зона). Автор данного текста – человек с высоким уровнем интеллекта (шкала «Интеллект» – 7.8, красная зона), контролирующей себя, своё поведение, ситуацию и всё, что с ней связано (шкала «Самоконтроль» – 11.7, красная зона), независимый (шкала «Независимость» – 5.8, красная зона). Перепроверка результатов еще раз показала, что текст не содержит агрессии (шкала «Агрессивность» – минус 1.7, синяя зона).

ЭМОЦИОНАЛЬНО-ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОЦЕНКИ

Число э/о слов: 70

Процент от текста: 7.1

Норма процента: 6.8

Диаграмма 6. Эмоционально-лексические оценки

В целом, показатели эмоциональности речевого продукта чуть выше нормы (что хорошо согласуется с высоким показателем самоконтроля автора) и составляют 7.1 % при норме для языка 6.8 %.

Таким образом, представленный для анализа текст статьи интернет-издания является результатом продуманной стратегии, которая была реализована при высоком самоконтроле, при независимой личной позиции и весьма умеренной эмоциональности. Выявленные мотивы и намерения автора свидетельствуют об уязвленном самолюбии честолюбивого человека, решившего дать отпор конкретному лицу и системе в целом, кото-

рая, по его мнению, не поддержала его и не оценила его достоинств. Автор текста – интервьюируемый У – с высокой долей вероятности намерен продолжать контролировать ситуацию, давать решительный отпор своим оппонентам, быть всегда настороже и не принимать критику в свой адрес, не соглашаться на компромисс, не слышать возражений другой стороны.

Лингвистическую и психолингвистическую компетенции специалиста составляют «умения и навыки интерпретации разнородных, в т.ч. поликодовых, текстов на предмет наличия или отсутствия в них утверждений и способов вербальных / невербальных воздействий, риторических манипулятивных приемов» [6, с. 8–9; 23, с. 1307–1308], нарушающих права личности, унижающих ее честь и достоинство, умаляющих репутацию. Будучи объективным исследованием, комплексная (ЛЭ и ПЛЭ) экспертиза представляет собой не просто процедуру, используемую для выявления «речевых преступлений» [9] в публицистической сфере коммуникации, а направление прикладной лингвистики, которое обнаруживает новые свойства информационно-публицистического дискурса (в частности, креолизованного текста) и стимулирует поиски в лингвистической конфликтологии, лингвокриминалистике и юрислингвистике.

Пристатейный библиографический список

1. Бринев К.И. Решение проблем оскорбления в лингвистической экспертологии // Вестник Челябинского государственного университета. № 34 (171). С. 15–20.
2. Бринев К.И. Справочник по судебной лингвистической экспертизе. М.: Либроком, 2016.
3. БТСРЯЗ – Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: РАН, ИЛИ; Норионт, 2000.
4. Галяшина Е.И. Лингвистика vs экстремизма: В помощь судьям, следователям, экспертам. М., 2006.
5. Грачев М.А. Судебно-лингвистическая экспертиза. М.: ФЛИНТА, 2016.
6. Голев Н.Д. Юридический аспект языка в лингвистическом освещении. Юрислингвистика: проблемы и перспективы. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999. С. 7–38.
7. Голев Н.Д. Об объективности и легитимности источников лингвистической экспертизы // Юрислингвистика–3: Проблемы юрислингвистической экспертизы. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. С. 14–29.
8. Как провести лингвистическую экспертизу спорного текста? Памятка для судей, юристов СМИ, адвокатов, прокуроров, следователей, дознавателей и экспертов / под ред. проф. М.В. Горбаневского. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юридический Мир, 2006.
9. Кара-Мурза Е.С. Лингвистическая экспертиза как процедура политической лингвистики // Политическая лингвистика. 2009. № 1(27). С. 47–73.

10. Коршунов Д.С. Введение в психолингвистическое моделирование чтения для лингвистов. М.: ЛЕНАД, 2015.
11. Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Русский язык, 1989.
12. Памятка по вопросам назначения судебной лингвистической экспертизы: Для судей, следователей, дознавателей, прокуроров, экспертов, адвокатов и юрисконсультов / под ред. проф. М.В. Горбаневского. М.: Медея, 2004.
13. Понятие чести и достоинства, оскорбления и ненормативности в текстах права и средств массовой информации / авт.-сост. А.А. Леонтьев, В.Н. Базылев, Ю.А. Бельчиков, Ю.А. Сорокин; отв. ред. А.К. Симонов. М.: Права человека, 1997.
14. Программа экспертизы текстов внушения ДИАТОН, версия СЛОВОДЕЛ. Лаборатория «Ведим». Свидетельство о государственной регистрации для программы ЭВМ. № 2008611081. М., 2008.
15. Прокофьева Л.П. Звуко-цветовая ассоциативность: универсальное, национальное, индивидуальное. Саратов: Саратовск. мед. ун-т, 2007.
16. Рогожникова Т.М. Вербальные модели и ритмическая активность мозга // Вопросы психолингвистики. 2010. № 2 (12). С. 48–56.
17. Рогожникова Т.М. Компьютерные технологии в языковой коммуникации: автоматизированный анализ слова и текста // Вестник УГАТУ. 2013. Т. 17. № 2 (55). С. 194–202.
18. Рогожникова Т.М. Инструменты анализа суггестивных ресурсов языковых явлений // Когнитивная психология: методология и практика / под науч. ред. В.М. Аллахвердова и др. СПб.: Изд-во ВВМ, 2015. С. 233–244.
19. Рогожникова Т.М. Суггестивный потенциал языковой системы и его стратегические возможности в процессе коммуникации // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2016. № 4 (23) [Электронный ресурс]. URL: <http://tl-ic.kursksu.ru/pdf/023-013.pdf>.
20. Рогожникова Т.М. Психолингвистический подход к изучению суггестивных ресурсов вербальных моделей // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2018. № 1 (28) [Электронный ресурс]. URL: <http://tl-ic.kursksu.ru/pdf/028-013.pdf>.
21. Рогожникова Т.М. Суггестивность вербальных моделей в психолингвистическом контексте // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2018. № 1 (28) [Электронный ресурс]. URL: <http://tl-ic.kursksu.ru/pdf/028-014.pdf>.
22. Салихова Э.А. Слово vs мысль в пространстве психометрической модели значения слова // Теория и практика языковой коммуникации. Уфа: УГАТУ, 2012. С. 302–306.
23. Салихова Э.А., Родионова С.Е. Формирование профессиональных компетенций и средства их оценки в ходе промежуточной и итоговой аттестации (на примере подготовки бакалавров по направлению «Филология») // Вестник Башкирского государственного университета. 2013. Т. 18. № 4. С. 1305–1311.
24. Салихова Э.А. К идеям о лингвоментальных структурах смысла // Теория речевой деятельности: практики и эксперимент: Материалы XVIII Международного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации, посвященного 80-летию со дня рождения А.А. Леонтьева. М.: ИЯ РАН; РУДН, 2016. Т. 1. С. 70–72.
25. Салихова Э.А. Экспертиза конфликтного текста: об отдельных лингвистических и о лингвосомиотических признаках экстремистского текста // Евразийская адвокатура. 2016. № 3 (22). С. 58–63 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.eurasian-advocacy.ru/3-22-2016g>.
26. Салихова Э.А., Аюпова Л.Л. Речевая жизнь уфимцев в лингвосомиотическом аспекте // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования: Материалы II МНК. Пенза: Пензенский госуниверситет, 2017. С. 219–226 [Электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30686951>.
27. Стернин И.А., Антонова Л.Г., Карпов Д.Л., Шаманова М.В. Выявление признаков унижения чести, достоинства, умаления деловой репутации и оскорбления в лингвистической экспертизе текста. Ярославль, 2013.
28. Цена слова. Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации. 3-е изд. М., 2002.
29. Черепанова И.Ю. Вербальная суггестия: теория, методика и социально-лингвистический эксперимент: дис. ...д-ра филол. наук. Пермь, 1996.
30. Шалак В.И., Дымшиц М.Н. Программный продукт // Психолингвистическая экспертная система ВААЛ. М., 2005.
31. Rogozhnikova T. Psycholinguistic tools for decoding suggestive potential of verbal models // Proceedings of the 7th International Scientific and Practical Conference «Current issues of linguistics and didactics: The interdisciplinary approach in humanities» (CILDIAH 2017). Advances in Social Science, Education and Humanities Research (ASSEHR). Atlantis Press, 2017. Vol. 97. P. 258–263.

References (transliterated)

1. Brinev K.I. Reshenie problem oskorbleniya v lingvisticheskoy e'kspertologii // Vestnik Chelyabinskogo gosuniversiteta. № 34 (171). S. 15–20.
2. Brinev K.I. Spravochnik po sudebnoj lingvisticheskoy e'kspertize. M.: Librokom, 2016.
3. BTRSYaz – Bol'shoj tolkovnyj slovar` russkogo yazyka / sost. i gl. red. S.A. Kuznecov. SPb.: RAN, ILI; Norint, 2000.
4. Galyashina E.I. Lingvistika vs e'kstremizma: V pomoshh` sud`yam, sledovatelyam, e'kspertam. M., 2006.
5. Grachev M.A. Sudebno-lingvisticheskaya e'kspertiza. M.: FLINTA, 2016.
6. Golev N.D. Yuridicheskij aspekt yazyka v lingvisticheskom osveshhenii. Yurilingvistika: problemy i perspektivy`. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 1999. S. 7–38.
7. Golev N.D. Ob ob`ektivnosti i legitimnosti istochnikov lingvisticheskoy e'kspertizy` // Yurilingvistika–3: Problemy` yurilingvisticheskoy e'kspertizy`. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2002. S. 14–29.
8. Kak provesti lingvisticheskuyu e'kspertizu spornogo teksta? Pamyatka dlya sudej, yuristov SMI, advokatov, prokurorov, sledovatelej, doznavatelej i e'kspertov / pod red. prof. M.V. Gorbanevskogo. 2-e izd., ispr. i dop. M.: Yuridicheskij Mir, 2006.

9. Kara-Murza E.S. Lingvisticheskaya e'kspertiza kak procedura politicheskoy lingvistiki // Politicheskaya lingvistika. 2009. № 1(27). S. 47–73.

10. Korshunov D.S. Vvedenie v psixolingvisticheskoe modelirovanie chteniya dlya lingvistov. M.: LENAD, 2015.

11. Ozhegov S.I. Slovar` russkogo yazy`ka / pod red. N.Yu. Shvedovoj. M.: Russkij yazy`k, 1989.

12. Pamyatka po voprosam naznacheniya sudebnoj lingvisticheskoy e'kspertizy: Dlya sudej, sledovatelej, doznavatelej, prokurorov, e'kspertov, advokatov i yuriskonsul'tov / pod red. prof. M.V. Gorbanevskogo. M.: Medeya, 2004.

13. Ponyatie chesti i dostoinstva, oskorbleniya i nenormativnosti v tekstax prava i sredstv massovoj informacii / avt.-sost. A.A. Leont'ev, V.N. Bazy`lev, Yu.A. Bel`chikov, Yu.A. Sorokin; otv. red. A.K. Simonov. M.: Prava cheloveka, 1997.

14. Programma e'kspertizy` tekstov vnusheniya DIATON, versiya SLOVODEL. Laboratoriya «Vedium». Svidetel'stvo o gosudarstvennoj registracii dlya programmy` E`VM. № 2008611081. M., 2008.

15. Prokof'eva L.P. Zvuko-cvetovaya asociativnost`: universal'noe, nacional'noe, individual'noe. Saratov: Saratovsk. med. un-t, 2007.

16. Rogozhnikova T.M. Verbal'ny`e modeli i ritmicheskaya aktivnost` mozga // Voprosy` psixolingvistiki. 2010. № 2 (12). S. 48–56.

17. Rogozhnikova T.M. Komp'yuterny`e texnologii v yazy`kovoj kommunikacii: avtomatizirovanny`j analiz slova i teksta // Vestnik UGATU. 2013. T. 17. № 2 (55). S. 194–202.

18. Rogozhnikova T.M. Instrumenty` analiza suggestivny`x resursov yazy`kovy`x yavlenij // Kognitivnaya psixologiya: metodologiya i praktika / pod nauch. red. V.M. Allaxverdova i dr. SPb.: Izd-vo VVM, 2015. S. 233–244.

19. Rogozhnikova T.M. Suggestivny`j potencial yazy`kovoj sistemy` i ego strategicheskie vozmozhnosti v processe kommunikacii // Teoriya yazy`ka i mezhkul'turnaya kommunikaciya. 2016. № 4 (23) [E'lektronny`j resurs]. URL: <http://tl-ic.kursksu.ru/pdf/023-013.pdf>.

20. Rogozhnikova T.M. Psixolingvisticheskij podxod k izucheniyu suggestivny`x resursov verbal'ny`x modelej // Teoriya yazy`ka i mezhkul'turnaya kommunikaciya. 2018. № 1 (28) [E'lektronny`j resurs]. URL: <http://tl-ic.kursksu.ru/pdf/028-013.pdf>.

21. Rogozhnikova T.M. Suggestivnost` verbal'ny`x modelej v psixolingvisticheskom kontekste // Teoriya yazy`ka i mezhkul'turnaya kommunikaciya. 2018. № 1

(28) [E'lektronny`j resurs]. URL: <http://tl-ic.kursksu.ru/pdf/028-014.pdf>.

22. Salixova E`.A. Slovo vs my`sl` v prostranstve psixometricheskoy modeli znacheniya slova // Teoriya i praktika yazy`kovoj kommunikacii. Ufa: UGATU, 2012. S. 302–306.

23. Salixova E`.A., Rodionova S.E. Formirovanie professional'ny`x kompetencij i sredstva ix ocenki v xode promezhutochnoj i itogovoj attestacii (na primere podgotovki bakalavrov po napravleniyu «Filologiya») // Vestnik Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta. 2013. T. 18. № 4. S. 1305–1311.

24. Salixova E`.A. K ideyam o lingvomental'ny`x strukturax smy`sla // Teoriya rechevoj deyatel'nosti: praktiki i e'ksperiment: Materialy` XVIII Mezhdunarodnogo simpoziuma po psixolingvistike i teorii kommunikacii, posvyashhennogo 80-letiyu so dnya rozhdeniya A.A. Leont'eva. M.: IYa RAN; RUDN, 2016. T. 1. S. 70–72.

25. Salixova E`.A. E'kspertiza konfliktogennogo teksta: ob otidel'ny`x lingvisticheskix i o lingvosemioticheskix priznakax e'kstremistskogo teksta // Evrazijskaya advokatura. 2016. № 3 (22). S. 58–63 [E'lektronny`j resurs]. URL: <http://www.eurasian-advocacy.ru/3-22-2016g>.

26. Salixova E`.A., Ayupova L.L. Rehevaya zhizn` ufimcev v lingvosemioticheskom aspekte // Yazy`kovaya politika i voprosy` gumanitarnogo obrazovaniya: Materialy` II MNK. Penza: Penzenskij gosuniversitet, 2017. S. 219–226 [E'lektronny`j resurs]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30686951>.

27. Sternin I.A., Antonova L.G., Karpov D.L., Shamanova M.V. Vy`yavlenie priznakov unizheniya chesti, dostoinstva, umaleniya delovoj reputacii i oskorbleniya v lingvisticheskoy e'kspertize teksta. Yaroslavl`, 2013.

28. Cena slova. Iz praktiki lingvisticheskix e'kspertiz tekstov SMI v sudebny`x processax po zashhite chesti, dostoinstva i delovoj reputacii. 3-e izd. M., 2002.

29. Cherepanova I.Yu. Verbal'naya suggestiya: teoriya, metodika i social'no-lingvisticheskij e'ksperiment: dis. ...d-ra filol. nauk. Perm`, 1996.

30. Shalakov V.I., Dy'mshic M.N. Programmnny`j produkt // Psixolingvisticheskaya e'kspertnaya sistema VAAL. M., 2005.

31. Rogozhnikova T. Psycholinguistic tools for decoding suggestive potential of verbal models // Proceedings of the 7th International Scientific and Practical Conference «Current issues of linguistics and didactics: The interdisciplinary approach in humanities» (CILDAH 2017). Advances in Social Science, Education and Humanities Research (ASSEHR). Atlantis Press, 2017. Vol. 97. P. 258–263.

ЕВРАЗИЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ПРОБЛЕМ ПРАВА

www.eurasniipp.ru

info@eurasniipp.ru

+7-917-40-61-340